

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО К.І. против РОССИИ
(CASE OF K.I. v. RUSSIA)**

(Заявление №58182/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

7 ноября 2017

Настоящее постановление станет окончательным на условиях, определенных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения

СОВЕТ ЕВРОПЫ

В деле К.И. против России

Европейский суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Хелена Ядерблом (Helena Jäderblom), *председатель*,

Луис Лопес Герра (Luis López Guerra),

Хелен Келлер (Helen Keller),

Дмитрий Дедов (Dmitry Dedov),

Алена Полячкова (Alena Poláčková),

Георгиос А. Сергидес (Georgios A. Serghides),

Жольен Шуккинг (Jolien Schukking), *судьи*,

а также Стивен Филипс (Stephen Phillips), *секретарь Секции*,

после закрытого заседания 17 октября 2017 года,

вынес следующее постановление в указанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№58182/14) в отношении Российской Федерации, поданному в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Таджикистана К.И. («Заявитель») 2 августа 2014 г.

2. Заявителя представлял г-н И.Г. Васильев, адвокат, практикующий в Москве. Правительство России («Правительство») вначале представлял г-н Г. Матюшкин, уполномоченный Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, а затем - его преемник на этой должности, г-н М. Гальперин.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он рискует подвергнуться жестокому обращению в случае его высылки в Таджикистан, а также что его содержание под стражей в ожидании высылки было незаконным и что имели место недостатки процедурного характера.

4. 17 октября 2014 г. Суд, в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, указал государству-ответчику, что заявителя не следует высылать в Таджикистан до дополнительного уведомления. Также было принято решение о рассмотрении этого дела в приоритетном порядке согласно правилу 41 Регламента Суда.

5. 7 января 2015 г. заявление было направлено Правительству.

6. Суд также решил предоставить заявителю анонимность и конфиденциальность документов по делу в соответствии с правилом 33 и пунктом 4 правила 47 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1980 году. Он прибыл в Россию в 2003 году. Он несколько раз совершал краткосрочные поездки в Таджикистан с целью посещения своих родителей.

8. 3 мая 2011 г. в Таджикистане заявителю заочно (*in absentia*) предъявлено обвинение в участии в экстремистском религиозном движении «Исламское движение Узбекистана», на его имя был выдан ордер на арест и он был объявлен в международный розыск. 6 мая 2011 г. власти Таджикистана вынесли постановление о его досудебном содержании под стражей.

9. 3 ноября 2013 г. заявитель был арестован в Москве и помещен под стражу. 4 ноября 2013 г. Мещанский районный суд города Москвы («Районный суд») вынес постановление о его содержании под стражей в ожидании экстрадиции.

А. Процедура экстрадиции

10. 4 декабря 2013 г. органы прокуратуры Таджикистана потребовали экстрадиции заявителя на основании вышеуказанных обвинений. В запросе содержались сформулированные в стандартных выражениях заверения в надлежащем обращении.

11. 12 декабря 2013 г. Районный суд продлил содержание заявителя под стражей до 3 мая 2014 г.

12. Апелляция заявителя от 16 декабря 2013 г. была отклонена Московским городским судом («Городской суд») 3 февраля 2014 г.

13. 29 апреля 2014 г. Районный суд повторно продлил содержание заявителя под стражей до 3 августа 2014 г.

14. Апелляция заявителя от 5 мая 2014 г. была отклонена Городским судом 23 июля 2014 г.

15. 9 октября 2014 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации отказал в экстрадиции заявителя, в связи с отсутствием деяний, являющихся преступлением в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации.

13 октября 2014 г. заявитель был освобожден из заключения.

В. Процедура высылки

16. 13 октября 2014 г., сразу после освобождения, заявитель был арестован повторно за нарушение иммиграционных правил.

17. 14 октября 2014 г. Районный суд признал заявителя виновным в нарушении иммиграционных правил, оштрафовал его и вынес постановление о его административном выдворении. Утверждения заявителя касательно реальной опасности подвергнуться жестокому обращению были отклонены, и его поместили под стражу в ожидании высылки. Оценивая риски, Районный суд заявил, что «заявления представителя ... носят спекулятивный характер и не подтверждаются материалами дела».

18. 24 октября 2014 г. при рассмотрении в апелляционной инстанции вышеупомянутое постановление было оставлено без изменений Городским судом. Жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции были отклонены со ссылкой на оценку дела Районным судом, который принял во внимание «...характер административного правонарушения, личность обвиняемого [который был привлечен к уголовной ответственности в России]... продолжительность его пребывания в России и другие обстоятельства дела».

19. Согласно последним заявлениям его представителя в 2015 году заявитель все еще находился под стражей.

С. Другие соответствующие процедуры

20. 18 декабря 2013 г. заявитель подал ходатайство о предоставлении статуса беженца, ссылаясь на преследование в Таджикистане и на то, что он подвергается реальной опасности жестокого обращения.

21. 15 сентября 2014 г. было принято окончательное административное решение миграционной службы об отклонении его ходатайства. Заявитель обжаловал это решение в судах, ссылаясь, в частности (*inter alia*), на риск подвергнуться жестокому обращению.

22. 12 ноября 2015 г. Городской суд вынес окончательное решение об отклонении его апелляций.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

23. Краткое изложение соответствующего внутреннего и международного законодательства приведено в постановлениях Суда по делам о выдворении из России в Таджикистан и Узбекистан (см. постановления по делу «Савриддин Джураев против России» (*Savriddin Dzhurayev v. Russia*), заявление №71386/10, п.п. 70-101, ЕСПЧ 2013 г. (выдержки) и «Акрам Каримов против России» (*Akram Karimov v. Russia*), заявление №62892/12, п.п. 69-105, 28 мая 2014 г.).

24. Ранее доклады о ситуации в Таджикистане были обобщены в постановлениях ЕСПЧ по делу «Ходжаев против России» (*Khodzhayev v. Russia*) (заявление №52466/08, п.п. 72-74, 12 мая 2010 г.); «Гафоров против России» (*Gaforov v. Russia*) (заявление №25404/09, п.п. 93-100, 21 октября 2010 г.) и в упоминавшемся выше постановлении по делу Савриддина Джураева (п.п. 104-07).

25. Согласно последним докладом, полученным из независимых международных источников, с тех пор не произошло существенного улучшения ситуации в Таджикистане. Авторитетные международные НПО описывают ситуацию как характеризующуюся преследованием политической оппозиции и религиозных групп, а также использованием репрессивных методов (включая пытки) (см., например, доклады «Эмнести Интернэшнл» (*Amnesty International*) «Таджикистан – 2016/2017» и «Таджикистан: Год секретности, растущих опасений и углубления несправедливости»; доклад «Фридом Хаус» (*Freedom House*) «Страны переходного периода – 2017: Ложное обещание популизма»; и Всемирный доклад за 2017 год «Хьюман Райтс Вотч» (*Human Rights Watch*)). В соответствующих частях этих документов было сказано следующее:

«Эмнести Интернэшнл» (*Amnesty International*) Таджикистан – 2016/2017

«...Члены запрещенной оппозиционной Партии исламского возрождения Таджикистана (IRPT) были приговорены к пожизненному тюремному заключению и длительным срокам лишения свободы по обвинению в терроризме в ходе откровенно несправедливых тайных судебных процессов. Утверждения о том, что их пытали для получения признания, не были эффективно и беспристрастно расследованы. Представляющие членов IRPT юристы сталкивались с преследованием и произвольным задержанием, привлекались к ответственности и длительное время пребывали в тюремном заключении по политически мотивированным обвинениям.

В мае были усилены правовые гарантии в отношении пыток и других форм жестокого обращения с задержанными. К ним относятся: сокращение до трех дней максимального срока, в течение которого лицо может содержаться под стражей без предъявления обвинения; определение содержания под стражей, начиная с момента фактического лишения свободы; предоставление задержанным права на конфиденциальный доступ к адвокату с момента лишения свободы; обязательное проведение медицинского осмотра подозреваемых до помещения их в изолятор временного содержания.

По-прежнему не существует независимых механизмов расследования случаев применения пыток или других форм жестокого обращения. Коалиция НПО против пыток зарегистрировала 60 жалоб на применение пыток, но полагает, что реальная цифра намного выше.

В сентябре Совет ООН по правам человека одобрил итоги Универсального периодического обзора (УПО) Таджикистана. Правительство отклонило рекомендации о ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток и создании Национального превентивного механизма. Вместе с тем, Правительством были приняты рекомендации о ратификации второго Факультативного протокола

к Международному пакту о гражданских и политических правах и о полной ликвидации смертной казни...».

«Эмнести Интернэшнл» (Amnesty International)

Таджикистан: Год секретности, растущих опасений и углубления несправедливости

«... В ходе ареста и уголовного преследования 14 лидеров [Партии исламского возрождения Таджикистана (IRPT)] имели место многочисленные нарушения их права на справедливый суд, возникла обеспокоенность по поводу того, что они подвергались пыткам и другим видам жестокого обращения, а также серьезные подозрения в том, что обвинения были политически мотивированными. Эти опасения укрепились, когда представляющим членов IRPT независимым адвокатам не был предоставлен полный доступ к их клиентам, содержащимся под стражей, и особенно после возбуждения уголовных дел, по меньшей мере, в отношении троих адвокатов. Родственники арестованных членов IRPT также получали угрозы и подвергались преследованию со стороны правоохранительных органов.

... Правозащитники в изгнании и родственники арестованных членов IRPT неоднократно заявляли о пытках и других видах жестокого обращения, применяемых для получения «признаний». Эти утверждения не были эффективно расследованы, как и высказываемые в прошлом утверждения о применении сотрудниками сил безопасности пыток к задержанным».

«Фридом Хаус» (Freedom House)

Страны переходного периода - 2017: Ложное обещание популизма

«Таджикистан использует систему расследований и полицейской деятельности на основе признания и, несмотря на официальное опровержение со стороны Верховного суда, для получения признаний правоохранительные органы часто используют пытки ...

Особенно подвержены ненадлежащему обращению люди, задержанные по политически мотивированным обвинениям. Оппозиционные активисты сообщают, что летом 2016 года в тюрьме умерли два задержанных члена IRPT - Курбон Маннонов и Нозимжон Ташрипов. По словам семьи, на теле Ташрипова остались видимые признаки пыток. Сообщается также, что власти отказали в медицинской помощи Хикматулло Сайфуллозоде, активному критику правительства и бывшему главному редактору газеты IRPT. По сообщениям, у заместителя председателя IRPT Махмадали Гаита были переломы ног, хотя его жена отвергла эти утверждения при посещении мужа 20 августа. Тем не менее, через два дня службы безопасности задержали жену и сына Гаита».

«Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch)

Всемирный доклад за 2017 г.

«Положение в области прав человека в Таджикистане резко ухудшилось в 2016 году, когда власти приговорили руководство главной оппозиционной партии страны к длительным срокам тюремного заключения, заключили в тюрьму адвокатов по правам человека и других людей, которых считали критиками правительства ...

Власти организовали и провели многочисленные акты возмездия, включая нападения толпы, в отношении родственников критиков правительства, пребывающих за рубежом. Активисты сообщили о случаях пыток и гибели содержащихся под стражей лиц, лишенных свободы по политически мотивированным обвинениям ...

Судебный процесс [против лидеров оппозиции] ... был закрыт для наблюдателей и, по словам их адвокатов, проходил с серьезными нарушениями надлежащей правовой процедуры. Источники сообщили «Хьюман Райтс Вотч», что некоторые подсудимые подвергались пыткам или жестокому обращению во время досудебного содержания под стражей».

26. Хотя доклады Уполномоченного по правам человека в Таджикистане за 2015 и 2016 годы не отражают такой уровень обеспокоенности, как в упоминавшихся выше международных докладах, и в основном в них уделяется внимание профилактическим мероприятиям, в них все же утверждается, что «в этой области существуют определенные трудности [пытки и жестокое обращение]» и что имеют место «случаи избиения и жестокого обращения с задержанными» (Уполномоченный по правам человека в Таджикистане, Годовые отчеты за 2015 и 2016 годы).

27. В рамках Универсального периодического обзора Совета по правам человека ООН в 2016 году в докладе рабочей группы по Таджикистану утверждалось, что в системе

уголовного правосудия продолжается применение пыток, несмотря на определенные позитивные сдвиги (Совет по правам человека, Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору, А / HRC / 33/11, 2016 г.).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

28. Заявитель подал жалобу согласно статье 3 Конвенции, утверждая, что национальные власти не приняли во внимание его заявления о том, что в случае выдворения в Таджикистан он подвергнется опасности жестокого обращения. Статья 3 Конвенции сформулирована следующим образом:

«Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

29. Правительство оспаривало этот аргумент.

A. Приемлемость

30. Суд отметил, что эта жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам. Таким образом, жалобу следует объявить приемлемой.

B. Суть

1. Общие принципы

31. Соответствующие общие принципы, касающиеся применения статьи 3, недавно были недавно обобщены Судом в постановлении по делу «F.G. против Швеции» (F.G. v. Sweden) ([БП], заявление №43611/11, п. 111-27, ЕСПЧ, 2016 г.) и, в контексте выдворения из России в центрально-азиатские государства, – отмечены в постановлении по делу «Мамажонов против России» (Mamazhonov v. Russia) (заявление №17239/13, п.п. 127-35, 23 октября 2014 г.).

2. Применение этих принципов к настоящему делу

(а) Наличие существенных оснований полагать, что заявитель сталкивается с реальной опасностью жестокого обращения, и оценка этих оснований национальными властями

32. Прежде всего, Суд отмечает, что в течение более десяти лет авторитетные международные правительственные и неправительственные агентства и организации (см. выше пункт 24) выступали с тревожными сообщениями об угрожающей ситуации в системе уголовного правосудия в Таджикистане, применении пыток и жестокого обращения со стороны правоохранительных органов, о тяжелых условиях содержания в местах лишения свободы, системном преследовании политической оппозиции и жестоким обращении с членами определенных религиозных групп.

33. Суд ранее рассматривал другие дела, касающиеся выдворения из Российской Федерации в Таджикистан лиц, обвиняемых таджикскими властями в преступной, религиозной и политической деятельности (см., среди прочих дел, упоминавшиеся выше постановления по делам Гафорова и Савриддина Джураева, а также постановление ЕСПЧ по делу «Низомхон Джураев против России» (Nizomkhon Dzhurayev v. Russia), заявление №31890/11, 3 октября 2013 г.). В этих и других подобных делах Суд систематически приходил к заключению, что выдворение в Таджикистан ввиду привлечения к

ответственности за экстремизм противоречило бы статье 3 Конвенции, подвергая заявителей опасности жестокого обращения со стороны правоохранительных органов.

34. В аналогичном контексте ранее Суд установил, что лица, экстрадиция которых запрашивалась узбекскими властями на основании обвинений в совершении религиозных или политических преступлений, представляют собой уязвимую группу, которая в случае выдворения столкнется с реальной опасностью обращения, противоречащего статье 3 Конвенции (см. упоминавшееся ранее постановление по делу Мамажонова, п. 141).

35. Аналогичным образом, принимая во внимание упомянутые выше доклады международных организаций и собственную практику, Суд установил, что лица, экстрадицию которых таджикские власти запрашивают на основании обвинений в совершении религиозных или политических преступлений, составляют уязвимую группу, которая в случае передачи Таджикистану подвергнется реальной опасности обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

36. Что касается настоящего дела - очевидно, что в ходе процедур экстрадиции, высылки и определения статуса беженца заявитель последовательно и конкретно утверждал, что его преследуют за экстремизм, а также что он столкнулся с опасностью жестокого обращения. В представленных таджикскими властями ордере на арест и международный розыск и запросе на экстрадицию четко указаны основания, а именно, что заявитель обвиняется в совершении политических и религиозных преступлений. Таким образом, таджикские власти прямо связали заявителя с группами, члены которых, как было установлено ранее, подвергаются реальной опасности подвергнуться запрещенному обращению.

37. При таких обстоятельствах Суд считает, что в распоряжении российских властей была достаточно обоснованная жалоба, указывающая на реальный риск жестокого обращения.

38. Таким образом, Суд убежден, что заявитель представил российским властям существенные основания полагать, что он столкнулся с реальной опасностью жестокого обращения в Таджикистане.

(b) Обязанность оценивать жалобу о реальной опасности подвергнуться жестокому обращению с использованием достаточных соответствующих материалов

39. Придя к заключению о том, что заявитель на национальном уровне выдвинул правомерную жалобу, основанную на существенных основаниях полагать, что в случае возвращения в Таджикистан ему угрожает реальная опасность обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, Суд должен рассмотреть, выполнили ли власти свою обязанность надлежащим образом оценить жалобу, опираясь на достаточные соответствующие материалы.

40. Возвращаясь к настоящему делу, Суд считает, что в ходе процедур экстрадиции, высылки и определения статуса беженца национальные власти не проводили тщательного изучения жалоб заявителя о том, что он столкнулся с опасностью жестокого обращения у себя на родине. Суд пришел к такому выводу, посчитав, что органы миграционной службы и национальные суды отклонили жалобы заявителя проведя поверхностное рассмотрение, их решения являются гипотетическими, не содержат конкретных указаний относительно уровня риска и в них отсутствует ссылка на доказательственные материалы.

41. Суд также отметил, что российская правовая система, по крайней мере теоретически, предлагает несколько способов предотвращения выдворения заявителя в Таджикистан, учитывая опасность жестокого обращения, с которой он сталкивается в этой стране. Однако, представленные в настоящем деле факты свидетельствуют о том, что

несмотря на постоянную подачу жалоб заявителем, их не рассматривали надлежащим образом ни в одном из соответствующих разбирательств.

42. Суд пришел к выводу, что хотя заявитель в достаточной мере обосновал жалобы о том, что он подвергнется опасности жестокого обращения в Таджикистане, российские власти не провели надлежащую оценку его жалоб, опираясь на достаточные соответствующие материалы. Это упущение открыло путь для экстрадиции заявителя в Таджикистан.

(c) Существование реального риска жестокого обращения или угрозы жизни

43. С учетом того, что национальные власти не провели надлежащую оценку предполагаемого реального риска жестокого обращения, опираясь на достаточные соответствующие материалы, Суд самостоятельно рассмотрит вопрос о том, подвергнется ли заявитель такой опасности в случае его выдворения в Таджикистан.

44. Суд отмечает, что ни в представлениях сторон, ни в имеющихся соответствующих материалах, полученных из независимых международных источников (см. выше пункт 24), ничто не указывает на какие-либо улучшения в системе уголовного правосудия Таджикистана вообще или конкретно в обращении с лицами, привлекаемыми к ответственности за совершение религиозных и политических преступлений.

45. Суд учитывает тот факт, что российские органы прокуратуры отклонили запрос об экстрадиции заявителя в Таджикистан. Однако это не устранило реальный риск жестокого обращения, поскольку решение об административном выдворении из России является окончательным и подлежит исполнению. Если заявитель будет выслан в Таджикистан, то ничто не мешает местным властям предъявить обвинения в экстремизме.

46. Суд должным образом рассмотрел имеющиеся материалы, раскрывающие реальный риск жестокого обращения с лицами, которые, как и заявитель, обвиняются в совершении религиозных и политических преступлений, и пришел к выводу о том, что санкционирование выдворения заявителя в Таджикистан подвергло его реальной опасности обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

(d) Вывод

47. Вышеизложенных соображений достаточно, чтобы позволить Суду сделать вывод о том, что выдворение заявителя в Таджикистан повлекло бы нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

48. Заявитель подал жалобу согласно статье 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в России применительно к его жалобе, поданной по статье 3 Конвенции. Статья 13 сформулирована следующим образом:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в национальном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, которые осуществляли свои официальные полномочия».

49. Правительство оспаривало этот аргумент.

50. С учетом выводов, сделанных в соответствии со статьей 3 Конвенции, Суд объявляет жалобу приемлемой, но не считает необходимым отдельно рассматривать жалобу по статье 13 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

51. Кроме того, заявитель подал жалобу о том, что его содержание под стражей в ожидании экстрадиции с 12 декабря 2013 г. по 3 августа 2014 г. было незаконным и лишенным цели. Он сослался на пункт 1 статьи 5 Конвенции, соответствующие части которой сформулированы следующим образом:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом ...

...

(f) законный арест или задержание... лица, в отношении которого предпринимаются меры по депортации или экстрадиции».

52. Правительство оспаривало этот аргумент и утверждало, что содержание под стражей было законным в целях экстрадиции заявителя.

53. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным причинам. Таким образом, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

54. Суд напоминает, что согласно исключению в подпункте (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции необходимо только, чтобы «предпринимались меры по депортации или экстрадиции», без каких-либо дополнительных обоснований (см., в частности, постановление по делу «Чахал против Великобритании» (Chahal v. The United Kingdom), 15 ноября 1996 г., п. 112, Reports of Judgments and Decisions [Сборник постановлений и решений], 1996-V), а также что лишение свободы будет оправдано до тех пор, пока осуществляются процедуры депортации или экстрадиции (см. постановление по делу «А. и другие против Великобритании» (A. and Others v. the United Kingdom) [БП], заявление №3455/05, п. 164, ЕСПЧ, 2009 г.). Чтобы задержание согласно подпункту (f) пункта 1 статьи 5 не было произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; оно должно быть тесно связано с основаниями для задержания, на которые ссылалось Правительство, место и условия содержания под стражей должны быть надлежащими, а длительность содержания под стражей не должна превышать срок, обоснованно необходимый для достижения преследуемой цели (см. постановления ЕСПЧ по делу «Саади против Великобритании» (Saadi v. The United Kingdom) [БП], заявление №13229/03, п. 74, ЕСПЧ, 2008 г. и «Рустамов против России» (Rustamov v. Russia), заявление №11209/10, п. 150, 3 июля 2012 г., со ссылками на дополнительные материалы).

55. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей длилось менее восьми месяцев, и в течение этого периода власти предпринимали реальные шаги по принятию решения о его экстрадиции. Власти РФ добросовестно проводили соответствующие процедуры, не было периодов бездействия или необоснованных задержек, и заявитель был освобожден после решения заместителя Генерального прокурора об отказе в экстрадиции.

56. Соответственно, принимая во внимание все находящиеся в распоряжении Суда материалы, факты и аргументы, представленные сторонами, вышеупомянутые соображения, а также принципы, прочно установившиеся в его судебной практике, Суд считает, что применительно к содержанию заявителя под стражей в ожидании экстрадиции с 12 декабря 2013 г. по 3 августа 2014 г. не было нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

57. Кроме того, заявитель подал жалобу о том, что апелляционные суды не вынесли решений о законности его задержания согласно решениям, вынесенным Районным судом

12 декабря 2013 г. и 29 апреля 2014 г., «безотлагательно». Он сослался на пункт 4 статьи 5 Конвенции, который сформулирован следующим образом:

«4. Каждый, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, имеет право инициировать разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно рассматривает законность его задержания и принимает решение об освобождении, если задержание является незаконным».

58. Правительство оспаривало этот аргумент. Оно признало, что Городской суд вынес решения по соответствующим апелляциям через сорок девять и семьдесят девять дней. Однако, по мнению Правительства, продолжительность этих разбирательств была связана не с национальными судами, которые вынесли решения по апелляциям безотлагательно, а с работой бюро переводов «Г Ltd.», которому потребовалось тридцать пять и семьдесят дней, соответственно, чтобы перевести материалы для заявителя на таджикский язык. Кроме того, Правительство утверждало, что как только были отмечены задержки, национальные суды предприняли соответствующие шаги, чтобы поторопить упомянутое бюро завершить перевод.

59. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным причинам. Таким образом, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

60. Суд напоминает, что согласно пункту 4 статьи 5 гарантируется право арестованных или задержанных лиц инициировать разбирательства для оспаривания законности их задержания, а также провозглашается их право (после возбуждения такого разбирательства) на вынесение безотлагательного судебного решения о законности такого задержания и постановления о его прекращении в случае признания незаконным. Хотя это не обязывает договаривающиеся государства устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения законности задержания, создавшее такую систему государство должно, в принципе, предоставлять задержанным в апелляционной инстанции те же гарантии, что и в первой инстанции (см. дело «Наварра против Франции» (*Navarra v. France*), постановление от 23 ноября 1993 г., Series A №273-B, п. 28, и дело «Тот против Австрии» (*Toth v. Austria*), постановление от 12 декабря 1991 г., Series A №224, п. 84). Требование о «безотлагательности» вынесения решения, несомненно, является одной из таких гарантий, и пункт 4 статьи 5, касающийся вопросов свободы, требует особой оперативности (см. постановление по делу «Хатчисон Рейд против Великобритании» (*Hutchison Reid v. the United Kingdom*), заявление №50272/99, п. 79, ЕСПЧ, 2003-IV).

61. В то же время Суд подчеркивает, что хотя продолжительность соответствующих разбирательств является, очевидно, важным элементом, сама по себе она не обязательно имеет решающее значение для вопроса о том, было ли решение принято с необходимой оперативностью (см. решение по делу «Мери против Нидерландов» (*Merie v. the Netherlands*) (dec.), заявление №664/05, 20 сентября 2007 г.). Необходимо принимать во внимание проявленную властями осмотрительность, какие-либо задержки по вине заявителя, а также любые факторы, вызывающие задержки, ответственность за которые нельзя возложить на государство (см. постановление по делу «Яблонски против Польши» (*Jablonski v. Poland*), заявление №33492/96, п.п. 91-94, 21 декабря 2000 г.).

62. Возвращаясь к настоящему делу, Суд признает довод Правительства о том, что задержка в упомянутом выше апелляционном производстве не была непосредственно связана с национальными судами, которые, за исключением задержек с переводом, рассмотрели апелляции заявителя на постановления о содержании под стражей за пятнадцать и девять дней, соответственно. Ничто в материалах, имеющихся в распоряжении Суда, не противоречит этому доводу.

63. Тем не менее, Суд не может согласиться с заявлением Правительства о том, что государство не может нести ответственность за эти задержки. Вне всякого сомнения, именно национальные суды поручили бюро «Т Ltd.» выполнение перевода соответствующих материалов для заявителя. Вступая в договорные отношения с «Т Ltd.», суды должны были принять соответствующие меры, чтобы обеспечить добросовестное и без необоснованных задержек выполнение заявок на перевод. Если первоначальную задержку продолжительностью в тридцать пять дней по вине бюро в ходе первой серии апелляционных производств можно списать на определенные непреодолимые обстоятельства, то вторая задержка продолжительностью в семьдесят дней по вине того же бюро, выполнявшего, по сути, аналогичную заявку на перевод, свидетельствует о том, что национальные суды не обеспечили добросовестное и «безотлагательное» осуществление апелляционных производств.

64. Соответственно, Суд считает, что в данном случае имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ В СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛОМ 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

65. Суд подтверждает, что, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции настоящее постановление не станет окончательным до тех пор, пока (а) стороны не заявят о том, что они не будут ходатайствовать о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты; или (b) не истекнут три месяца с даты вынесения постановления, если ходатайство о передаче дела в Большую Палату не подавалось; или (c) Коллегия Большой Палаты не отклонит все ходатайства о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

66. Суд считает, что указание, данное Правительству в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, должно оставаться в силе до тех пор, пока настоящее постановление не станет окончательным или пока Суд не примет дальнейшее решение по этому вопросу.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

67. В Статье 41 Конвенции предусматривается следующее:

«Если Суд признает факт нарушения Конвенции или Протоколов к ней и если внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны предусматривает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет потерпевшей стороне справедливую сатисфакцию».

A. Ущерб

68. Заявитель оставил на усмотрение Суда определение суммы возмещения морального ущерба.

69. Правительство утверждало, что если Суд придет к выводу о том, что выдворение заявителя в Таджикистан будет противоречить статье 3 Конвенции, то это само по себе будет достаточной справедливой сатисфакцией.

70. С учетом характера установленного нарушения статьи 3 Конвенции и конкретных фактов настоящего дела Суд считает, что вывод о том, что выдворение заявителя в Таджикистан было бы нарушением статьи 3 Конвенции, является достаточной справедливой сатисфакцией в отношении любого нанесенного морального ущерба (см. аналогичное постановление по делу «J.K. и другие против Швеции» (J.K. and Others v. Sweden) [БП], заявление №59166/12, п. 127, ЕСПЧ, 2016 г.).

71. Тем не менее, в отношении нарушения прав заявителя согласно пункту 4 статьи 5 Конвенции Суд, действуя на справедливой основе, присуждает заявителю 2500 евро в качестве возмещения морального ущерба.

В. Судебные расходы и издержки

72. Заявитель также предъявлял требования в размере 3200 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением его дела в Суде.

73. Правительство оспаривало эту сумму.

74. Принимая во внимание находящиеся в распоряжении Суда документы и его судебную практику, Суд считает целесообразным присудить сумму в размере 1500 евро для покрытия расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела в Суде.

С. Пеня

75. Суд считает целесообразным установить пеню, исходя из размера предельной ставки по займам Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Объявляет заявление приемлемым;
2. Постановляет, что выдворение заявителя в Таджикистан повлекло бы нарушение статьи 3 Конвенции;
3. Постановляет, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу по статье 13 Конвенции;
4. Постановляет, что не имело места нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
5. Постановляет, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
6. Принимает решение продлить действие указания, данного Правительству согласно правилу 39 Регламента Суда, о нежелательности выдворения заявителя в Таджикистан до тех пор, пока настоящее Постановление не станет окончательным или до принятия дальнейших решений, в интересах надлежащего ведения производства;
7. Постановляет, что
 - (a) Государство-ответчик должно в течение трех месяцев с даты, когда данное постановление станет окончательным, выплатить заявителю следующие суммы, которые должны быть конвертированы в валюту Государства-ответчика по курсу на дату осуществления платежа:
 - (i) 2500 евро (две тысячи пятьсот евро) и дополнительно сумму любого налога, который может быть начислен, - в порядке возмещения морального ущерба;
 - (ii) 1500 евро (одна тысяча пятьсот евро) и дополнительно сумму любого налога, который может быть начислен заявителю, - в порядке компенсации судебных расходов и издержек;
 - (b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на вышеуказанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной ставки по займам Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, к которой должны быть добавлены три процентных пункта.
8. Отклоняет остальные требования заявителя о справедливой сатисфакции;

Составлено на английском языке и уведомлено в письменном виде 7 ноября 2017 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стивен Филлипс (Stephen Phillips)
Секретарь

Хелена Ядерблом (Helena Jäderblom)
Председатель